

RU

Русские библейские фразеологизмы с религиозной лексикой
(на примере понятия «грех») в аспекте китайской лингвокультуры

Лу Юйся

Аннотация. Цель исследования - раскрыть, как семантика русских библейских фразеологизмов с религиозной лексикой (на примере понятия «грех») понимается с точки зрения китайской лингвокультуры. В статье рассматривается культурологическое содержание русских библейских фразеологизмов с религиозной лексикой как носителей христианской семантики. Основное внимание уделяется определению этимологии понятия «грех» в разных культурных контекстах (русском и китайском). Показывается, что семантика исследуемых фразеологических единиц библейского происхождения в русском языке в общем может найти отражение в китайских фразеологизмах с компонентом, имеющим другой источник. Научная новизна исследования заключается в кросс-культурном изучении семантики библейских фразеологизмов, исходя из включенных в их состав религиозных понятий, которые оказывают неидентичное воздействие на изучаемые лингвокультуры. В результате исследования сопоставлено понятие «грех» в разных языковых и культурных традициях и выявлено влияние разных религиозных культур на формирование фразеологизмов разных языков.

EN

Russian Biblical Phraseological Units with Religious Vocabulary
(by the Example of the Notion of “Sin”)
in the Aspect of Chinese Linguoculture

Lu Yuxia

Abstract. The research aims to shed light on the interpretation of the semantics of Russian biblical phraseological units with religious vocabulary (using the notion of “sin” as an example) from the viewpoint of Chinese linguoculture. The paper considers the culturological content of Russian biblical phraseological units with religious vocabulary as carriers of Christian semantics. Main attention is paid to determining the etymology of the notion of “sin” in different cultural contexts (Russian and Chinese). It is shown that the semantics of the biblical phraseological units under consideration can find its reflection in Chinese phraseological units containing a component of another origin. Scientific novelty of the research lies in a cross-cultural examination of the semantics of biblical phraseological units based on the religious notions included in their composition that have a non-identical effect on the linguocultures under study. As a result, the notion of “sin” has been contrasted in different linguistic and cultural traditions; the influence of different religious cultures on the formation of phraseological units in different languages has been revealed.

Введение

Русская и китайская национальные культуры имеют собственные истоки и основы. На русскую национальную культуру большое влияние оказала христианская религия (православие), а прочный фундамент китайской традиционной культуры заложили конфуцианство, буддизм и даосизм. Актуальность данной работы обусловлена лингвокультурологическим подходом к кросс-культурному изучению фразеологизмов в русском и китайском языках, что помогает определить особенности воспроизведения реальности в русской и китайской картинах мира. Исследование позволяет сочетать знания о языке с историей, религиоведением, что способствует более глубокому пониманию принципов перевода с русского языка на китайский, а также межкультурной коммуникации.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач: 1) раскрыть этимологию лексемы «грех» и её китайского эквивалента; 2) выявить культурное содержание, заключенное в библейских фразеологизмах с компонентом «грех» в русском языке и китайских выражениях с соответствующими компонентами;

3) рассмотреть причины появления библейских фразеологизмов с компонентом «грех» в русском языке и причины возникновения китайских выражений с соответствующими традиционными компонентами, исходя из культурного фона и семантики исследуемых языковых единиц.

Методы исследования определяются поставленной целью и соответствующими задачами. Для выявления причины формирования рассматриваемых языковых единиц разных языков применяется сравнительно-исторический метод. Посредством лингвокультурологического подхода выявляется своеобразная культурная информация, включая миропонимание разных народов, скрытая в библейских фразеологизмах с компонентом «грех» в русском языке и китайских выражениях с традиционным компонентом.

Материалом данной работы послужили фразеологические единицы, отобранные методом сплошной выборки из «Энциклопедического словаря библейских фразеологизмов» К. Н. Дубровиной (М.: Флинта; Наука, 2010). Для анализа использован языковой материал, выбранный из «Фразеологического словаря китайского языка Синьхуа» (редакция Исследовательского центра лексикографии коммерческого издательства. Пекин: Коммерческое издательство, 2013 (华成语大词典 / 商务印书馆辞书研究中心编. 北京: 商务印书馆, 2013)); «Современного китайского словаря» (редакция Института языкознания Китайской академии общественных наук. Изд-е 6-е. Пекин: Коммерческое издательство, 2012 (现代汉语词典 (第六版) 纪念版 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 北京: 商务印书馆, 2012)); Корпуса современного китайского языка (CCL PKU. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/), Национального корпуса русского языка (НКРЯ. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>); Библии (Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / в Синодальном переводе с комментариями и приложениями. М.: Российское библейское общество, 2004).

Теоретическую базу данной работы составили научные исследования учёных, посвящённые теории лингвокультурологии (Маслова, 2001; Шаклеин, 2012; Воробьев, 1997; Верещагин, Костомаров, 1990); изучению семантики библейских фразеологизмов (Дубровина, 2012; Буянова, 2017; Чикина, 2004); сопоставительному изучению фразеологизмов библейского происхождения в разных языках (Дубровина, 2012; Гак, 1997; Реунова, 2015).

Практическая значимость исследования определяется тем, что представленные в работе материалы могут быть полезными в разработке лекционных курсов по сопоставительной лингвистике, лингвокультурологии, а также использованы в практике межкультурной коммуникации.

Основная часть

Лингвокультурология как одно из самостоятельных исследовательских направлений является наследием лингвострановедения, зародившегося в начале 1970-х годов. Несмотря на то, что термин «лингвокультурология» определяется учёными по-разному, сущность его заключается в изучении выражения национальной культуры в языке, то есть лингвокультурология как наука направлена на изучение того, как различные формы существования разных национальных культур выражаются и хранятся в языке и как они проанализированы, описаны и объяснены. По В. А. Масловой (2001), «лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» (с. 9). Предметом данной науки является «особая область национальной жизни и быта общества, нашедшая своё выражение во всех структурах языка и отражающая пирамиду культурных ценностей данной группы людей» (Воробьев, 1997, с. 32). В. А. Маслова (2001, с. 9) также справедливо отмечает, что возникновение термина «лингвокультурология» в последнее десятилетие тесно связано с научными исследованиями фразеологической школы. Фразеологические единицы, согласно Д. О. Добровольскому (1997), «представляют собой национально специфические единицы языка, аккумулирующие культурный потенциал народа» (с. 37). Н. Ф. Алефиренко (2008) также отмечает: «Национальная специфика фразем этнически обусловлена уже самой принадлежностью к определённому этносу» (с. 171).

Таким образом, фразеологизмы как богатейший источник сведений о менталитете народа и его культуре являются одним из важнейших предметов исследования лингвокультурологии. В фразеологических единицах сохранены и скрыты обычаи, ритуалы, легенды, мифы народа.

Как всем известно, православие занимает значительное место в религиозной жизни россиян. В современном русском языке оно нашло отражение в соответствующих фразеологических единицах. На основе Библии сформировано большое количество фразеологизмов, которые, в свою очередь, образуют микросистему в русской фразеологии. В современном русском языке существуют некоторые библейские фразеологизмы с религиозной лексикой, которые, несомненно, носят преимущественно религиозно-культурную окраску. Как отмечают Л. Ю. Буянова и Е. Г. Коваленко (2012), «наличие в идиоме слов-компонентов с эталонным, символьным или стереотипным прочтением приобщает её к языку национальной культуры» (с. 137). Некоторые формальные характеристики, включая «определённую маркированность отдельных компонентов фразеологизма» (Добровольский, 1998, с. 50), позволяют эксплицировать национально-культурную специфику русских фразеологизмов библейского происхождения. С точки зрения китайской лингвокультуры, национально-культурное своеобразие русских библейских фразеологизмов легче всего демонстрируется именно в таких маркированных компонентах, входящих в их состав, как религиозно-культурная лексика, обозначающая единицы, которые называют основные христианские понятия. По С. В. Булавиной (2003, с. 21), большинство из них представлено в Священном Писании, рассмотрено как основной источник христианского вероучения. Предмет исследования настоящей работы – фразеологические единицы библейского происхождения с характерным религиозным компонентом «грех», который относится к лексике, обозначающей христианские представления о человеке.

«Грех» – одно из ключевых понятий в христианской религиозной культуре. Как отметила К. Н. Дубровина, «понятие греха как тяжкого преступного деяния или непростительного порока широко распространено в Библии» (Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов, 2010, с. 590). Согласно библейскому мифу, в мире существует первичный грех, который совершили в Эдеме Ева и Адам как прародители человечества. Последствием их греховного поступка стало изгнание из рая (Быт. 3: 1-6). Этот первичный грех представляет собой «первородный грех». В связи с тем, что тень первородного греха пала на каждого представителя человечества, в христианской религиозной культуре имеется теория о том, что в природе человека изначально заложена греховность. Данная теория стала одним из фундаментальных христианских учений. Фразеологизм «первородный грех», имеющий библейское происхождение, закрепился в русском языке. Кроме известного его прямого значения, т.е. в качестве богословского термина, переносный смысл, который получил данный оборот, также часто используется. Фразеологизм может быть употреблен для обозначения близкой связи между женщиной и мужчиной, а также изначально, главнейшего проступка или ошибки в чём-либо. Например:

«Первородный грех Адама и Евы и все последующие грехи людей обрывали нити, связывающие человечество с Богом» (Христос воскрес! // Аргументы и факты. 04.2005) (НКРЯ).

«На мой взгляд, первородный грех – это не секс, а поедание других живых существ» (Аксёнов В. Из какого сора выросли олигархи // Аргументы и факты. 05.2007) (НКРЯ).

«Первородный грех войны искупается медленно и трудно» (Тимофеев Я. На мусульманском кинофестивале в Казани победили сербские «Круги» // Известия. 09.2013) (НКРЯ).

Русский библейский фразеологизм «первородный грех» идентично соответствует китайскому сложному слову 原罪 (юань цзуй), которое в качестве термина внесено в словарь, где представлен его христианский исходный, т.е. сигнификативный смысл. Стоит упомянуть о популярной теории в китайской традиционной культуре о доброй природе человека. В традиционном китайском учебнике по просвещению «Саньцзыцзин» (三字经) (Троеслобие. URL: http://www.guoxue.com/gxlm/gx_szj.htm) имеются слова о человеческой природе: 人之初, 性本善 (Доброта человека существует с его рождения). Кроме того, по даосской теории, начало человеческой природы является естественным, наивным. Поэтому в китайском языке есть фразеологизм 赤子之心 (чи цзы чжи синь), который буквально говорит, что душа новорожденного ребенка считается доброй, чистой. Позже он используется для описания невинности, честности и доброты человека. Буддизм, который является неотъемлемой частью китайской традиционной культуры, также не говорит о «первородном грехе», но говорит о «соответствии следствий причинам». В связи с данной буддийской теорией возникли такие фразеологизмы, как 因果报应 (инь го бао ин) (что посеешь, то и пожнёшь, за добро платят добром, за зло – злом), 作善降祥 (цзюо шань цзян сянь) (за благотворительную деятельность небо пошлёт человеку счастье).

Отсюда видно, что теория доброго и злого начала человека в традиционной китайской культуре полностью отличается от теории «первородного греха» в христианстве. «Культура отражается и хранится в языке» (Верещагин, 2013, с. 11). Несмотря на то, что словарная статья 原罪 (юань цзуй) в качестве сложного слова включена в современный китайский словарь, даётся только её первоначальное христианское религиозное значение. По сравнению с китайским эквивалентным выражением в русском словосочетании «первородный грех» в качестве фразеологической единицы на основе её исходного религиозного значения активно развивались переносные значения.

Как известно, в христианское вероучение входят семь смертных грехов: гордость, зависть, чревоугодие, блуд, гнев, корыстолюбие и лень. Стоит отметить, что выражение «семь смертных грехов» само по себе как устойчивое словосочетание воспроизводится в языке носителей русской национальной культуры и поэтому закрепилось во фразеологической системе русского языка. Оно употребляется в значении «самые тяжкие и непростительные пороки» (Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов, 2010, с. 590), что связано с другим оборотом («смертный грех»).

По сравнению с христианским понятием «семь смертных грехов» в древнем Китае существовали десять смертных грехов, т.е. 十恶 (шэ), наказание за которые было суровым. В законе династии Северная Ци официально были определены «десять тяжких преступлений», исходя из которых установили правило «о десяти смертных грехах» (十恶 (шэ)), вписанное в кодекс «Кай хуан люй» (开皇律) династии Суй, использовавшийся в течение длительного времени. В результате появился китайский фразеологизм 十恶不赦 (шэ бу шэ), буквально означающий, что существует десять смертных грехов, избежать наказания за которые невозможно. Однако следует отметить, что китайское словосочетание «шэ бу шэ» (десять смертных грехов) оказалось заимствованным выражением из буддизма, а не являлось исходно правовой терминологией в Древнем Китае. С точки зрения учёного Чжоу Кайпина (周开平, 2005, с. 133-137), буддийская терминология была взята как наименование обвинений в уголовном праве в кодексе династии Суй и приобрела новое правовое значение, что объясняется большим влиянием буддизма на китайскую культуру в то время. В современном китайском языке выражение «шэ бу шэ» (десять смертных грехов), включенное в состав фразеологизма 十恶不赦 (шэ бу шэ), уже не называет конкретные десять преступлений, как прежде, а в общем обозначает тяжкие и непростительные злодеяния. Фразеологическая единица 十恶不赦 (шэ бу шэ) употребляется как адъективное словосочетание для выражения понятия «не заслуживающий прощения из-за чудовищных преступлений». Например, Цюань Яо в романе «Страшный муж» (鬼丈夫) пишет: «Судя по тому, как ты смотришь на меня сейчас, я как будто непростительный (шэ бу шэ) и заслуживающий смерти преступник». / 现在你看我的眼神, 就好像我是一个十恶不赦, 死有余辜的罪犯 (CCL PKU) (здесь и далее перевод автора статьи. – Лу Юйся).

К библейским выражениям, содержащим в своем составе компонент «грех», относится фразеологизм «смертный грех», к которому восходит вышесказанный фразеологизм «семь смертных грехов». Два фразеологизма имеют одинаковое значение: «очень большой, ничем не искупаемый порок, непростительный

поступок, серьезное отступление от принятых норм поведения» (Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов, 2010, с. 603). Например:

«Раньше артист написал письмо вдове Захарова, в котором также попросил прощения за свой «смертный грех» (Ефремов усомнился, что сможет в будущем работать актером // Vesti.ru. 12.2020) (НКРЯ).

«Я хочу очень твердо заявить, что аборт – смертный грех, поскольку он лишает жизни невинное создание» (Папа Римский разрешил всем католическим священникам отпускать грех аборта // lenta.ru. 11.2016) (НКРЯ).

Компонент «грех» в библейском фразеологизме может быть отождествлен с китайским словом 罪 (цзуй), обозначающим «поступок, наполненный злом или нарушающий закон». Можно сопоставить его с буддийским понятием 罪孽 (цзуй не), которое обозначает «злой поступок, заслуживающий возмездия» (现代汉语词典, 2012, с. 1742). Он входит в состав фразеологизма 罪孽深重 (цзуй не шэнь чжун), который по форме относится к субъектно-предикатному словосочетанию, имеющему значение «грех чрезвычайно тяжкий» (华成语大词典, 2013, с. 2100). Семантика библейского оборота «смертный грех» может передаваться китайским фразеологизмом 滔天大罪 (тао тянь да цзуй), который означает «чрезвычайно тяжкий грех» (华成语大词典, 2013, с. 1435). Например, в романе «Представление оружия» (亮剑) Ду Ляна имеется предложение: «Грубо говоря, даже если бы в Ли Юньлуна стреляли сто раз, этого было бы недостаточно, чтобы искупить совершенный им тао тянь да цзуй (чрезвычайно тяжкий грех)». / 不客气地说, 就是枪毙他李云龙一百次, 也抵偿不了他犯下的滔天大罪 (CCL PKU).

Заключение

Русская христианская культура придерживается теории «первородного греха», а в традиционной китайской культуре глубоко укоренились конфуцианская и даосская теории «доброй природы человека», «доброй, чистой души новорожденного ребенка», а также «соответствия следствий причинам» буддийской культуры. Эти идеи утвердились в языковом сознании двух народов. В китайской лингвокультуре христианское учение о «первородном грехе» было введено как религиозная концепция. В языковом отношении оборот «первородный грех» как фразеологическая единица широко распространен среди русских, большая часть которых исповедует православие. Данный оборот получил переносное значение в активном употреблении и зафиксирован в словаре русского языка. Напротив, сложное слово 原罪 (юань цзуй) в китайском языке, являющееся эквивалентом русского библейского фразеологизма «первородный грех», включено в современные китайские словари как христианское понятие, имеющее только религиозное концептуальное значение.

Русский библейский фразеологизм «семь смертных грехов» тесно связан с христианским понятием «семь смертных грехов». С точки зрения языковой традиции, в ассоциативный ряд этого оборота входят христианские моральные понятия добра и зла. Влияние религиозного понятия «семь смертных грехов» на русский язык проявляется в возникновении русских фразеологизмов «семь смертных грехов» и «смертный грех». В китайские устойчивые выражения не входит фразеологизм, восходящий к семи христианским смертным грехам, но существует фразеологическая единица, содержащая в своём составе 十恶 (десять смертных грехов), имеющая буддийское происхождение. Кроме того, что касается самого слова «грех», то эквивалентным словом в китайском языке является 罪 (цзуй), т.е. 罪孽 (цзуй не), также заимствованное из буддийской лексики.

Таким образом, можно сделать вывод, что, с точки зрения китайской лингвокультуры, вышеназванные русские библейские фразеологизмы, включающие в себя компонент «грех», могут быть истолкованы с помощью китайских эквивалентных слов или фразеологизмов. Тем не менее в связи с их русским и китайским разными культурными корнями соответствующие выражения в двух языках могут иметь разную этимологию. Кроме того, у некоторых китайских эквивалентов изучаемых русских библейских фразеологизмов есть только исходное концептуальное значение, а переносный смысл отсутствует, в отличие от русских фразеологизмов. Отсюда следует, что разные языки по-разному выражают свою культуру; а культура оказывает крайне важное влияние на формирование фразеологических единиц в языках.

Дальнейшее изучение национально-культурной семантики русских библейских фразеологизмов, содержащих в своём составе компоненты с национально-культурной окраской, в аспекте китайской лингвокультуры является перспективным, так как оно способствует глубокому проникновению в менталитет носителей русской и китайской лингвокультуры, что, как следствие, положительно повлияет на межкультурную коммуникацию народов двух стран.

Финансирование | Funding

RU Публикация подготовлена в рамках программ Исследовательского фонда гуманитарных и социальных наук Цзянсу педагогического университета «Исследование русских библейских фразеологизмов в контексте китайской культурной и языковой традиции» (9213821102) и «Построение и практика учебного плана «RSP» с точки зрения новой инженерии» (XJXGKZ07).

EN The reported study was funded by the Research Foundation for Humanities and Social Sciences of the Jiangsu Normal University within the framework of the programmes “Research of Russian biblical phraseological units in the context of the Chinese cultural and linguistic tradition” (9213821102) and “Construction and practice of the curriculum «RSP» from the viewpoint of new engineering” (XJXGKZ07).

Источники | References

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. М.: Элпис, 2008.
2. Булавина С. В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2003.
3. Буянова Л. Ю. Фразеология как культурный код познания и духовное наследие предков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2017. Т. 15. № 3.
4. Буянова Л. Ю., Коваленко Е. Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности: монография. М.: Флинта; Наука, 2012.
5. Верещагин Е. М. Русский язык и российское православие: общедоступное изложение проблематики. М.: Директ-Медиа, 2013.
6. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Наука, 1990.
7. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. М., 1997.
8. Гак В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // Вопросы языкознания. 1997. № 27.
9. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания. 1997. № 6.
10. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (II) // Вопросы языкознания. 1998. № 6.
11. Дубровина К. Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М.: Флинта; Наука, 2012.
12. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
13. Реунова Е. В. Лингвопрагматический анализ библеизмов в русском, итальянском, французском и английском языках: дисс. ... к. филол. н. М., 2015.
14. Чикина Е. Е. Фразеология в аспекте христианской культуры (на материале немецкого, английского и русского языков). Владимир, 2004.
15. Шаклеин В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография. М.: Флинта, 2012.
16. 周开平. 隋《开皇律》十恶渊源新探 // 法学研究. 2005. № 4 (Чжоу Кайпин. Этимология выражения «десять грехов» в кодексе «Кай хуан люй» (开皇律) династии Суй // Юридические исследования. 2005. № 4).

Информация об авторах | Author information

Лу Юйся¹, к. филол. н.

¹ Цзянсуский педагогический университет, г. Сюйчжоу, Китайская Народная Республика

Lu Yuxia¹, PhD

¹ Jiangsu Normal University, Xuzhou, The People's Republic of China

¹ luYuxia5215@qq.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.10.2022; опубликовано (published): 30.11.2022.

Ключевые слова (keywords): религиозная лексика; библейский фразеологизм; грех; лингвокультура; religious vocabulary; biblical phraseological unit; sin; linguoculture.